

УДК 34

Делегирование государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям: систематизация зарубежного опыта

Царапкина Дарья Романовна

Аспирант,
кафедры административного права и процесса,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: dary.tsarapkina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена зарубежному опыту делегирования государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям в связке с административно-правовыми режимами подотчётности и ответственности. Актуальность обусловлена расширением практик квази-публичного исполнения функций государства, цифровизацией торговли и ростом роли саморегулирования. Новизна состоит в выделении трёх устойчивых моделей делегирования (публичные корпорации; НКО/СРО; бюджетно-административное посредничество третьего сектора) и в формулировании шести административно-правовых условий их правомерности. В рамках работы описаны институциональные механизмы (статуты, аудит, раскрытие), изучены компаративные кейсы США, ЕС, Великобритании, Австралии, Индии, Казахстана и Беларуси, а также трансграничная e-commerce Китая. Особое внимание уделено антикоррупционным гарантиям и со-регулированию в цифровых цепочках поставок. Работа ставит цель определить применимые для российской доктрины публично-правовые решения. Для её достижения используются сравнительно-правовой, формально-юридический, институциональный и кейс-подходы, контент-анализ источников. В заключении формулируются критерии законности делегирования и рекомендации для правоприменения. Статья будет полезна законодателям и практикам публичного администрирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Царапкина Д.Р. Делегирование государством властных полномочий коммерческим и некоммерческим организациям: систематизация зарубежного опыта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 6А. С. 42-51.

Ключевые слова

Делегирование полномочий, публично-правовые науки, государственные корпорации, саморегулируемые организации, некоммерческие организации, группы компаний, социальные облигации, трансграничная электронная коммерция, административно-правовой контроль, подотчётность.

Введение

Современные государства всё чаще распределяют исполнение публичных функций между негосударственными субъектами — от государственных корпораций и корпоративных групп до НКО/СРО и отраслевых ассоциаций. Параллельно растут цифровые рынки и трансграничная e-commerce, где необходимы совместные механизмы надзора и стандартизации. Это обостряет вопросы законности делегирования, пределов усмотрения делегата, подотчётности, ответственности и антикоррупционных гарантий в публично-правовой плоскости.

Цель — на основе компаративного анализа зарубежной практики выявить модели делегирования и выработать административно-правовые условия их правомерного применения.

Задачи исследования:

- описать институциональные модели делегирования (публичные корпорации; НКО/СРО; посредничество третьего сектора и инструментов *infra*-финансирования) и сопутствующие механизмы контроля;
- сопоставить режимы ответственности (уголовной, административной, корпоративной) и раскрытия информации, включая антикоррупционные и AML-компоненты;
- определить условия эффективности и трансплантации элементов зарубежного опыта в российскую доктрину и практику.

Новизна — систематизированы три модели делегирования с привязкой к инструментам публичного контроля; предложен набор из шести административно-правовых условий законности делегирования; показана роль со-регулирующего и трассируемого цепочек поставок в цифровой торговле как современной формы «встроенного» контроля.

Материалы и методы

В качестве теоретической базы исследования были отобраны следующие материалы: Ю.Н. Румянцева анализирует должностные злоупотребления и корпоративную ответственность в странах БРИКС, фиксируя реформу 2018 г. в Индии и усиление директориальной ответственности в ОАЭ. С.К. Идрышева, Т.В. Климова раскрывают корпоративную природу НКО и архитектуру СРО Казахстана (членство, стандарты, дисциплина, публичность), а также публичные функции адвокатских коллегий, нотариальных палат и палат частных судебных исполнителей. Ч. Ву описывает рост трансграничной e-commerce Китая, развитие зарубежных складов, «зелёную» повестку, стандарты и совместный надзор по цепочкам поставок. Д.В. Долгов, К.Е. Курдявка рассматривают *Konzernrecht* Германии и директивы ЕС как основу прозрачности групп компаний (раскрытие, консолидация, аудит). Ю.А. Попов обобщает поддержку НКО: Office for Civil Society, механизмы Venturesome и social impact bonds, лотерейные фонды, участие Еврокомиссии и американский Social Innovation Fund. Т.Н. Байбардина, С.С. Головкин, А.А. Гусакова систематизируют формы НКО в Беларуси по ГК и специальным законам. Н.Н. Ворошилина даёт эмпирический срез проектной деятельности НКО в регионах Беларуси (SWOT, опрос), выявляя «событийность» и дефицит инфраструктуры. М.Ш. Мазанаев, Н.А. Бекишиев сопоставляют государственные корпорации (США — FGC, Великобритания — PC, Австралия — GBE, Индия — public enterprises) и предлагают усиление прозрачности через корпоративные формы. С.Н. Тюкавин анализирует взаимодействие местной власти и НКО/бизнес-ассоциаций в США и ЕС (SBA, NFIB; консультации, участие в бюджете, снятие барьеров).

При написании статьи применялись методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, институциональный анализ; кейс-подход; контент-анализ нормативных и научных источников; синтез и обобщение.

Результаты

Проведённый сравнительно-правовой анализ показал, что делегирование государством властных (публично-властных и квазипубличных) полномочий коммерческим и некоммерческим организациям в зарубежных юрисдикциях реализуется через три устойчивые модели, каждая из которых опирается на различные административно-правовые инструменты и режимы подотчётности.

Во-первых, это модель публичных (государственных) корпораций и государственных предприятий, где специальные юридические лица выполняют задачи публичного характера на рыночных началах, но под усиленным административным контролем. В США соответствующие структуры квалифицируются как *Federal Government Corporations* с установленными Конгрессом рамками бюджетирования и аудита; в Великобритании — как *public corporations* с нормативной зависимостью от правительства при операционной автономии; в Австралии — *Government Business Enterprises*, сочетающие коммерческую мотивацию с задачами государственной политики; в Индии — *public enterprises* в форме *statutory corporations* и *government companies*. Выявлено, что в этих системах государство обеспечивает управленческое влияние через учредительный акт (статут) и/или владение контрольными долями, а административно-правовые механизмы подотчётности строятся вокруг обязательного внешнего аудита, специального бюджетного режима и публичной отчётности руководящих органов. Одновременно зарубежный опыт подчеркивает риски бюрократизации и дефицита прозрачности, требующие «выравнивания» корпоративного правового режима с публичным контролем (позиция о целесообразности преобразования госкорпораций в акционерные общества со 100% участием государства как инструмент повышения подотчётности прямо артикулируется применительно к России) [Мазанаев, Бекишиев, 2022].

Во-вторых, модель делегирования полномочий некоммерческим корпоративным организациям и саморегулируемым организациям (СРО). В правовых порядках стран СНГ (Казахстан, Беларусь) некоммерческие организации имеют отчётливо корпоративную природу, что позволяет им быть носителями делегируемых публичных функций — от обеспечения доступа к правосудию (адвокатские коллегии, нотариальные палаты), до исполнения судебных актов (палаты частных судебных исполнителей) и профессионального контроля (стандарты, аттестация, дисциплинарная ответственность). Показательно, что казахстанское законодательство о саморегулировании прямо связывает обязательное членство в СРО с «необходимостью делегирования определённых функций, выполняемых государственными органами», выводя на первый план административно-правовые принципы публичности, прозрачности, предупреждения конфликта интересов и обязательного раскрытия информации на официальных ресурсах (включая состав членов, стандарты, решения органов, годовую отчётность и результаты аудита) [Идрышева, Климова, 2023]. Тем самым зарубежная практика подтверждает: именно через корпоративные механизмы (общее собрание, коллегиальные органы, ревизионные комиссии) государство формирует «встроенный» режим подотчётности частных носителей публичных функций.

Во-третьих, модель бюджетно-административного посредничества третьего сектора, когда

государство передаёт отдельные управленческие и распределительные полномочия «зонтичным» некоммерческим объединениям и специализированным финансовым инструментам с последующим административным контролем по результатам. Для Великобритании характерен «смешанный формат финансирования НКО государством через другие, более крупные организации третьего сектора», которым делегируются полномочия распределять средства и сопровождать проекты; институциональным центром координации выступает Office for Civil Society. Наряду с этим развёрнуты инновационные механизмы — высокорисковые займы для НКО (Venturesome) и social impact bonds как контракт публичного управления «по результату» с участием государства, инвестора и исполнителя-НКО. На уровне ЕС государственная поддержка НКО масштабируется через инструменты Еврокомиссии, что по сути формирует наднациональный режим администрирования грантов и услуг [Попов, 2020]. В США, по данным компаративного обзора, устойчивое взаимодействие местных властей и НКО-бизнес-ассоциаций (включая сетевые структуры вокруг SBA и NFIB) обеспечивает канализацию локальных интересов малого бизнеса в процессы муниципального нормотворчества и программирования поддержки. Европейская практика, напротив, институционально подчёркивает партнёрское нормотворчество на местном уровне (консультации, согласительные процедуры, участие в бюджетном процессе), связывая финансовые инструменты с устранением административных барьеров и отраслевой координацией [Тюкавин, 2020].

В публично-правовых науках принципиально важно, что во всех трёх моделях режим делегирования строится не на «передаче власти» в частнопрововом смысле, а на административно-правовом распределении компетенций с сохранением публичного контроля. Это подтверждают и нормы о правовом статусе некоммерческих организаций в Беларуси, где Гражданский кодекс закрепляет многообразие организационно-правовых форм (общественные объединения, фонды, учреждения, потребительские кооперативы и др.) и тем самым задаёт рамки для наделения их публичными задачами специальным законодательством [Байбардина, Головки, Гусакова, 2024]. Одновременно эмпирические данные из Беларуси показывают, что проектная активность НКО в регионах часто «событийна» и не формирует устойчивую инфраструктуру, что ограничивает их реальную правоспособность к исполнению делегируемых функций без целенаправленного развития административной и организационной ёмкости. При этом значимость гражданского сектора как субъекта регионального развития подтверждается и объёмом привлекаемых ресурсов (средняя оценка — 85 тыс. долл. в год на одну НКО) и устойчивым запросом на институциональные формы участия в формировании региональной политики [Ворошилина, 2020].

Отдельного внимания заслуживает делегирование в условиях цифровой трансграничной торговли, где государство кооперирует с частными платформами, логистическими операторами и ассоциациями, создавая совместные («скоординированные») регуляторные механизмы. В Китае «в последние годы масштаб трансграничных операций электронной торговли... продолжал увеличиваться», а государственная политика целится в выстраивание систем «зелёной» торговли, отслеживания углеродного следа и взаимного признания результатов выборочных проверок, что предполагает институционализацию совместного надзора и распределение контрольных функций между публичными и частными субъектами [Бу, 2023]. Этот сегмент демонстрирует современную форму административного делегирования: от лицензирования и аккредитации — к совместному регулированию (co-regulation) на основе стандартов, данных и трассируемости цепочек поставок.

Ключевой вектор обеспечения законности делегирования — режим юридической ответственности и превенции злоупотреблений. Материалы по странам БРИКС показывают, что уголовно-правовой и административно-правовой инструментарий прямо увязан с поведением коммерческих организаций и их должностных лиц при выполнении публично значимых функций. Так, в индийском антикоррупционном законодательстве реформа 2018 г. «позволила включить конкретные положения, касающиеся ответственности коммерческих организаций... и их должностных лиц» (с конфискацией доходов и включением составов в сферу противодействия отмыванию доходов) [Румянцева, 2024]. В ОАЭ комплексная правовая реформа усилила персональную ответственность корпоративных директоров за действия вне пределов полномочий. Для России (в контексте сравнительного анализа) выявлен разрыв между уголовно-правовым режимом (субъект преступления — физическое лицо) и административной ответственностью юридических лиц по антикоррупционным составам, что затрудняет единообразное применение к делегированным функциям и указывает на потенциал имплементации международных конвенционных стандартов.

В отношении крупных корпоративных групп как потенциальных исполнителей публичных контрактов и операторов делегированных функций важен европейский опыт «публичности через корпоративное право». Немецкое право групп (*Konzernrecht*) квалифицирует группу как систему аффилированных компаний с установленными типологиями (контрольные группы, договорные группы, долевое участие), а административно значимая прозрачность достигается через обязанности по раскрытию, консолидации отчётности и предоставлению информации государственным органам. На уровне ЕС директивный массив (сводно — Директива (ЕС) 2017/1132 и бухгалтерские директивы) унифицирует правила отчётности, аудита и корпоративных преобразований (слияния, присоединения), тем самым предлагая надёжную инфраструктуру юридической подотчётности для тех случаев, когда государство взаимодействует с многоуровневыми группами в целях делегирования [Долгов, Курдювка, 2020]. Вывод: чем сложнее и транснациональнее корпоративный исполнитель, тем важнее опора на стандартизированные механизмы публичного раскрытия и контроля качества аудита как условие правомерного делегирования.

Синтезируя эмпирические и нормативные наблюдения, можно обозначить шесть административно-правовых условий правомерного и эффективного делегирования, подтверждённых зарубежной практикой:

- Статутная определённость делегируемой компетенции, включая границы усмотрения, перечень публичных задач, источники финансирования и виды ответственности (статуты государственных корпораций; специальные законы о СРО) [Идрышева, Климова, 2023; Мазанаев, Бекишиев, 2022].
- Многоуровневая подотчётность — внешний государственный аудит/надзор + внутрикорпоративный контроль (ревизионные комиссии, дисциплинарные органы) + обязательное раскрытие информации и публичная отчётность [Долгов, Курдювка, 2020; Идрышева, Климова, 2023].
- Антикоррупционные гарантии и режим ответственности юридических лиц/должностных лиц, включая конфискацию незаконных доходов и координацию с AML-режимом (индийская модель) [Румянцева, 2024].
- Процедуры участия (*participatory governance*) при местном делегировании — консультации, согласительные комиссии, включение НКО-ассоциаций в бюджетные и регуляторные циклы [Попов, 2020; Тюкавин, 2020].

- Стандартизация и цифровая трассируемость при делегировании в сетевых отраслях (логистика, e-commerce), включая совместные механизмы контроля качества и соблюдения стандартов [Бу, 2023].
- Институциональная ёмкость исполнителя — наличие устойчивой инфраструктуры, кадровых и финансовых ресурсов; в противном случае делегирование сводится к «событийной» активности и не обеспечивает достижение публичных целей [Ворошилина, 2020].

Наконец, сопоставление показало, что делегирование публичных полномочий коммерческим организациям целесообразно там, где требуется промышленная и финансовая ёмкость (инфраструктура, естественные монополии, высокорисковые инновации) при условии «жесткой» публичной подотчётности (статут, аудит, раскрытие, ответственность) [Долгов, Курдявка, 2020; Мазанаев, Бекишиев, 2022]. Делегирование НКО/СРО эффективнее в сферах профессиональной саморегуляции, социальной поддержки, правовой помощи и локального развития, где корпоративные процедуры обеспечивают дисциплину и этику, а участие сообщества — легитимность решений [Байбардина, Головкин, Гусакова, 2024; Идрышева, Климова, 2023; Попов, 2020; Тюкавин, 2020]. В цифровых трансграничных сегментах предпочтительна совместная регуляция на стыке публичных и частных стандартов [Бу, 2023]. Все три модели не исключают, а взаимно дополняют друг друга, задавая контуры «умного» публично-правового делегирования, совместимого с принципами законности, открытости и ответственности,

Обсуждение

Компаративная картина убедительно демонстрирует: делегирование публичных полномочий — не «передача власти» в частноправовом смысле, а архитектура распределённых компетенций при сохраняющемся публичном контроле. Отсюда — два узловых требования к любой модели: юридическая определённость делегата и измеримая подотчётность.

Первая группа решений опирается на статутные публичные корпорации. Их сильная сторона — масштаб и способность работать в капиталоемких секторах, где обычным НКО просто недоступны инфраструктурные риски. Слабая — «упругость» бюрократии и риск регуляторного захвата: чем ближе корпорация к правительству, тем выше вероятность смешения целей политики и корпоративного управления. Лекарство, предложенное рядом юрисдикций, — перевод в прозрачные корпоративные формы с жесткими аудиторско-раскрывающими обязанностями и независимыми советами. Это не отменяет публичной миссии, но заставляет её «проживать» в процедурной логике рынка.

Вторая линия — корпоративные НКО и СРО. Их преимущество — дисциплина профессионального сообщества и встроенные механизмы этики, аттестации, дисциплинарной ответственности. На уровне правопорядков СНГ эта архитектура уже используется: обязательное членство, стандарты, прозрачность решений, ежегодная отчётность, публичные реестры. Но эффективность такой модели не автоматична. Без устойчивой организационной ёмкости (штаты, финансы, процессы) делегирование вырождается в «событийность»: проекты проводятся, а институтов и сервисов, переживающих команду проекта, не возникает. Значит, при выборе делегата важны не только правовой статус и цели, но и способность института обеспечивать непрерывность, мониторинг и корректировку практик.

Третья модель — посредничество третьего сектора через «зонтичные» организации и

контракты, ориентированные на результат (от венчурных займов до social impact bonds). Она принесла в публичное управление язык измеримых эффектов и платёж «за результат», а также связала в один узел три сектора: государство (заказчик), инвестор (носитель риска) и НКО (исполнитель). Сильная сторона — фокус на социальных outcome и дисциплина данных; слабая — высокие транзакционные издержки и опасность «селекции проектов под метрику». Чтобы избежать подмены цели индикатором, нужны независимая верификация, эталонные методики расчётов и обязательная огласка методологических ограничений.

Особое поле — цифровые рынки и трансграничная торговля. Здесь государство объективно не справится без со-регулирования: стандарты данных, маркировка, трассируемость и совместные проверки требуют участия платформ, логистов, платёжных и сертификационных провайдеров. Успех зависит от трёх элементов:

- договорной «прошивки» стандартов в ИТ-процессы участников,
- совместимых систем комплаенса
- гарантированного доступа регулятора к агрегированным данным при защите персональной информации и коммерческой тайны.

Иначе делегирование сведётся к декларации, а контроль — к эпизодическим кампаниям.

Значим и корпоративный аспект: государства неизбежно взаимодействуют с многоуровневыми группами. Европейская комбинация Konzernrecht и бухгалтерских директив создаёт «инфраструктуру публичности» — консолидированная отчётность, аудит, раскрытие внутригрупповых связей. Это позволяет администратору видеть фактического бенефициара и управленческий центр, а значит, накладывать обязательства по качеству услуги и ответственности не только на «тонкую» проектную «дочку», но и на контролируемую компанию. Отсутствие такой инфраструктуры влечёт распыление ответственности и юридические тупики при взыскании.

Наконец, ключевой контур — антикоррупционные и деликтные гарантии. Там, где правопорядок прямо признаёт ответственность юридического лица за коррупционные деликты и связывает её с режимами конфискации и AML, делегирование становится не только быстрее, но и безопаснее: у администратора появляется понятный рычаг воздействия на организацию и её должностных лиц. Там, где на уровне уголовного права ответственность персонифицирована, а на уровне административного — фрагментарна, разрывается цепочка стимулов к добросовестности.

Из обсуждения вытекают практические требования к «правильному» делегированию. Во-первых, нужен единый словарь и «карта компетенций» — что именно делегируется (услуга, контроль, распределение средств, валидация данных), где предел усмотрения и какие правовые последствия для граждан и бизнеса порождает акт делегата. Во-вторых, каждому виду делегирования должна соответствовать матрица подотчётности: кто проверяет, что раскрывается, как обеспечивается участие заинтересованных сторон (консультации, слушания, участие в бюджете), какие санкции и механизмы восстановления нарушенных прав доступны. В-третьих, необходим «реестр делегирования» с публичным доступом к статутам, стандартам, протоколам решений и консолидированной отчётности делегатов — это резко снижает издержки мониторинга. В-четвёртых, договоры «за результат» целесообразно сопровождать независимым аудитором метрик и обязательной публикацией методологии расчётов. В-пятых, для цифровых цепочек поставок — правовая «прошивка» стандартизованных API и трассируемости, совмещённая с надлежащими режимами защиты данных. И, в-шестых, институциональная ёмкость — формальный критерий допуска к делегированию (штат, ИС-

контуры, система внутреннего контроля, страхование ответственности).

Эти требования уточняют пределы публичной власти, описывают инструменты её распределения и предлагают процессуальные гарантии прав граждан и бизнеса при квази-публичном исполнении.

Заключение

Выделены три модели делегирования (публичные корпорации; НКО/СРО; посредничество третьего сектора с инструментами *in*pract-финансирования) и показаны их сильные/слабые стороны и области уместности (инфраструктура; профессиональная саморегуляция; социальные проекты и цифровые рынки).

Сформулированы шесть административно-правовых условий законности и эффективности делегирования: статутная определённость; многоуровневая подотчётность и раскрытие; антикоррупционные и AML-гарантии; процедурное участие; стандартизация и цифровая трассируемость; институциональная ёмкость делегата.

Для правоприменения предложены:

- реестр делегирования и единые стандарты отчётности и аудита;
- включение договоров «за результат» с независимой верификацией метрик;
- внедрение со-регулируемого обмена в цифровых цепочках (стандартизованные интерфейсы обмена данными, доступ регулятора к агрегированным данным);
- увязка ответственности делегата с эффективными санкциями, включая конфискацию незаконного дохода.

Библиография

1. Байбардина Т. Н. Организационно-правовые формы некоммерческих организаций в Республике Беларусь / Т. Н. Байбардина, С. С. Головкин, А. А. Гусакова // Потребительская кооперация стран постсоветского пространства: состояние, проблемы, перспективы развития : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 31 октября – 01 ноября 2024 года. – Гомель : Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. – С. 233–236. – EDN TATPCN.
2. Ворошилина Н. Н. Анализ социально-экономического контекста управления инновационными региональными проектами некоммерческих организаций в Республике Беларусь / Н. Н. Ворошилина // Инновационная деятельность. – 2020. – № 3(54). – С. 5–12. – EDN MFLACX.
3. Ву Ч. Новые тенденции развития трансграничной электронной коммерции в Китае / Ч. Ву // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XIII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 02 февраля 2023 года. – Минск : Белорусский государственный университет, 2023. – С. 470–474. – EDN PKBAKK.
4. Долгов Д. В. Правовое регулирование деятельности групп коммерческих организаций в Германии / Д. В. Долгов, К. Е. Курдяк // Теория и практика германистов: состояние и перспективы : сборник статей VIII Межвузовская междисциплинарная конференция преподавателей и студентов, Москва, 01 марта 2020 года. Т. Вып. 74. – Москва : Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2020. – С. 95–102. – EDN VZMVHN.
5. Идрышева С. К. Некоммерческие организации как субъекты корпоративных отношений / С. К. Идрышева, Т. В. Климова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 1(72). – С. 60–71. – DOI 10.52026/2788-5291_2023_72_1_60. – EDN FYGPJO.
6. Мазанаев М. Ш. Правовой статус и особенности государственных корпораций в зарубежных странах / М. Ш. Мазанаев, Н. А. Бекишиев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2022. – Т. 37, № 3. – С. 61–66. – DOI 10.21779/2500-1930-2022-37-3-61-66. – EDN AINQFP.
7. Попов Ю. А. Зарубежный опыт поддержки некоммерческих организаций на различных уровнях / Ю. А. Попов // Дневник науки. – 2020. – № 10(46). – С. 10. – EDN DUKMН.
8. Румянцева Ю. Н. К вопросу о злоупотреблении полномочиями в коммерческих организациях (на примере

- некоторых стран БРИКС) / Ю. Н. Румянцева // Защита прав предпринимателей: действующее законодательство и реалии его применения : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 28 марта 2024 года. – Иркутск : Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 51–56. – EDN HTZUVJ.
9. Тюкавин С. Н. Зарубежный опыт взаимодействия органов местного самоуправления с некоммерческими организациями при поддержке малого бизнеса / С. Н. Тюкавин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-2(44). – С. 107–112. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-10511. – EDN ETLHFO.

Delegation of State Authority to Commercial and Non-Commercial Organizations: Systematization of Foreign Experience

Dar'ya R. Tsarapkina

Graduate Student,
Department of Administrative Law and Procedure,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dary.tsarapkina@yandex.ru

Abstract

The article examines foreign experience in the delegation of state authority to commercial and non-commercial organizations in conjunction with administrative-legal regimes of accountability and responsibility. The relevance of the topic is driven by the expansion of quasi-public execution of state functions, digitalization of trade, and the growing role of self-regulation. The novelty lies in identifying three stable delegation models (public corporations; non-profit organizations/self-regulatory organizations; budget-administrative mediation of the third sector) and formulating six administrative-legal conditions for their legitimacy. The study describes institutional mechanisms (statutes, audit, disclosure), examines comparative cases from the US, EU, UK, Australia, India, Kazakhstan, and Belarus, as well as China's cross-border e-commerce. Special attention is paid to anti-corruption guarantees and co-regulation in digital supply chains. The aim of the work is to identify public-law solutions applicable to Russian doctrine. To achieve this goal, comparative legal, formal legal, institutional, and case-study approaches are used, along with content analysis of sources. The conclusion outlines criteria for the legality of delegation and provides recommendations for law enforcement. The article will be useful for legislators and public administration practitioners.

For citation

Tsarapkina D.R. (2025) Delegirovaniye gosudarstvom vlastnykh polnomochiy kommercheskim i nekommercheskim organizatsiyam: sistematzatsiya zarubezhnogo opyta [Delegation of State Authority to Commercial and Non-Commercial Organizations: Systematization of Foreign Experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (6A), pp. 42-51.

Keywords

Delegation of authority, public law sciences, state corporations, self-regulatory organizations, non-profit organizations, corporate groups, social bonds, cross-border e-commerce, administrative-legal control, accountability.

References

1. Baibardina T. N. Organizational and legal forms of non-profit organizations in the Republic of Belarus / T. N. Baibardina, S. S. Golovko, A. A. Guskova // Consumer cooperation of the post-Soviet countries: state, problems, development prospects: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the foundation of the university, Gomel, October 31 - 01 2024. - Gomel: Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, 2024. - P. 233-236. - EDN TATPCN.
2. Voroshilina N. N. Analysis of the socio-economic context of managing innovative regional projects of non-profit organizations in the Republic of Belarus / N. N. Voroshilina // Innovative activity. - 2020. - No. 3 (54). - P. 5-12. - EDN MFLACX.
3. Wu C. New Trends in the Development of Cross-Border E-Commerce in China / Wu C. // International Relations: History, Theory, Practice : Proceedings of the XIII Scientific and Practical Conference of Young Scientists of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, February 02, 2023. - Minsk : Belarusian State University, 2023. - Pp. 470-474. - EDN PKBAKK.
4. Dolgov D. V. Legal Regulation of the Activities of Groups of Commercial Organizations in Germany / Dolgov D. V., Kurdyavka K. E. // Theory and Practice of Germanists: Status and Prospects : Collection of Articles of the VIII Interuniversity Interdisciplinary Conference of Teachers and Students, Moscow, March 01, 2020. Vol. Issue 74. - Moscow : All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2020. - Pp. 95-102. - EDN VZMVHN.
5. Idrysheva S. K. Non-profit organizations as subjects of corporate relations / S. K. Idrysheva, T. V. Klimova // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. - 2023. - No. 1 (72). - P. 60-71. - DOI 10.52026/2788-5291_2023_72_1_60. - EDN FYGPJO.
6. Mazanaev M. Sh. Legal status and features of state corporations in foreign countries / M. Sh. Mazanaev, N. A. Bekishiev // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. - 2022. - Vol. 37, No. 3. - P. 61-66. - DOI 10.21779/2500-1930-2022-37-3-61-66. - EDN AIHGFP.
7. Popov Yu. A. Foreign experience of supporting non-profit organizations at various levels / Yu. A. Popov // Science Diary. - 2020. - No. 10(46). - P. 10. - EDN DUKMH.
8. Romyantseva Yu. N. On the issue of abuse of power in commercial organizations (on the example of some BRICS countries) / Yu. N. Romyantseva // Protection of the rights of entrepreneurs: current legislation and the realities of its application: materials of the VII All-Russian scientific and practical conference, Irkutsk, March 28, 2024. - Irkutsk: All-Russian State University of Justice, 2024. - P. 51-56. - EDN HTZUVJ.
9. Tyukavin S. N. Foreign experience of interaction between local governments and non-profit organizations in supporting small businesses / S. N. Tyukavin // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - No. 5-2 (44). - P. 107-112. - DOI 10.24411/2500-1000-2020-10511. - EDN ETLHFO.